

Встречи с Ваней Уймоненом.

Ваня ушёл год назад, 4 июня 2016-го года. На протяжении шести лет (а точнее зим) до этого мы так много общались, столько он сделал для моей семьи, что чувство, которое пришлось испытать можно назвать только так – это горе.

Иван – гениальный тренер. Мне повезло наблюдать как он тренировал мою дочь, других детей. С трудом удавалось ему и из меня выбивать «карвинговую заразу», возвращать на путь истинный. Не сомневаюсь, что отечественный спорт пошел бы с ним по другому пути. Но..., нет пророков в своем отечестве.

В мае 2014 года я написал статью «Австрийский миф о современной технике горнолыжного спорта», где попытался популярно передать Ванины принципы горнолыжной техники, описать кризис, вызванный поисками оптимальной езды на карвинговых лыжах, из которого только-только начала выходить мировая элита (http://alski.spb.ru/skiing/publications/avstriisky_mif/). Ваня видел всё: тонкости техники, проблемы нашего вида спорта, недостатки и достоинства спортсменов любого уровня. И всегда знал пути решения любых из этих проблем. Разговаривали мы с ним много, и за столом, и на склоне.

Его жизнь, путь спортсмена и тренера, украшала искренняя любовь к горным лыжам. Был он удивительно скромным человеком. Думается, поэтому, что справедливо было бы рассказать об Иване Уймонене, его наследии.

Встреча первая.

Началась эта история более полувека назад. Иван 1947-го года рождения, постарше меня на два года, поэтому, когда я делал первые шаги, он уже блистал на юношеских соревнованиях. Ваня с младшим братом Феликсом и Люсей Барышниковой тренировались у Владимира Самуиловича Витлина. Их катание на горе ВЦСПС в Кавголово смотрелось как мастер-класс. То, что Витлин тренером был первоклассным, было и тогда видно. Но гораздо позже,

из Ваниных рассказов стало понятно каким он был самородком. Ребят, катающихся на деревянных «Спутниках», он обучал основам современного резаного скольжения. Короче говоря, эта троица из «Трудовых резервов» основательно конкурентам портила настроение, в том числе и ученикам Токсовской спортшколы Семена Ивановича Ялакаса.

Служить Иван отправился в спортивную роту, тренировался в СКА. Я еще школу заканчивал, но, так как тренировался тоже в СКА, наконец-то близко познакомился с Иваном. Парень он был сухой, ловкий, но роста не самого высокого. Были желающие из ребят покрупнее походить в дедах, помыкать новобранцем. Да только Ваня на трассе всё сразу расставил на свои места. Проигравши секунду-другую на тренировке, трудно себя в королях держать. Так что к нему всегда уважительно относились, а он с детства умел дружить, многие его сослуживцы с ним связь поддерживали долгие годы.

Встреча вторая. За прошедшие годы многое подзабылось, в архивы залезать не стану – не о деталях речь. Поэтому, могу что-нибудь и перепутать, заранее прошу прощения. Был Иван неоднократно чемпионом Ленинграда, призером и победителем Первенства Вооруженных сил СССР. Присмотрел его и Виктор Иванович Тальянов, забрал в ЦСКА. На какое-то время я Ивана из виду потерял. Поступил в ЛИИЖТ, да так и застрял в перворазрядниках. Однако при советской власти жизнь была хоть и унылой, но гарантированной. Главное быть в команде. В команду Ленинградского «Локомотива» я входил, поэтому каждый год в январе ездил на первенство ЦС (Центрального совета) «Локомотива» в Приэльбрусье. Здесь повезло во второй раз встретить Ивана.

Травмы заставили его оставить спорт, перейти на тренерскую работу. Легендарные, впоследствии, открыватели Красной поляны, Дима и Света Гурьевы, работали тогда в Терсколе. Они-то и сманили туда Ивана, с подачи Витлина.

Горнолыжный спорт требует развитого интеллекта. Поэтому, наиболее сильные спортсмены были выходцами из крупных городов, где имелся серьезный отбор. Москва и Ленинград, Кировск и Мончегорск, города Урала, Красноярского края регулярно поставляли выдающихся спортсменов. Надо иметь хорошее воображение, чтобы представить, как 23-летний парень умудрился вырастить из местной кабардинской молодежи целую плеяду мастеров. За примерами далеко ходить не будем, достаточно Дагиба Гулиева упомянуть (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гулиев,_Дагиб_Омарович). На Кавказе нужно было стать «своим», вжиться в местные нравы, найти контакт с родителями, увлечь детей. Нравы там своеобразные – случалось и от ножа едва-едва уйти.

Нравы – это так, фон жизненный. А чему и как учить? В те годы инвентарь менялся с нарастающей скоростью: дерево сменилось металлом, затем пластиком. Профессиональная одежда, ботинки, палки, крепления – всё стало предметом экспериментов. Это у «них». У «нас» еще поди достань что-

нибудь приличное. Техника катания менялась со сменой инвентаря, открывавшего новые возможности. Что только не вытворяли на склоне наши тренеры и спортсмены, изредка выглядывая из-за железного занавеса, пытаясь разобраться в новинках и тенденциях. С появлением Жуберовского авальмана этот процесс и вовсе пошел в разнос.

Ивану же всё нипочем: лыжу надо поставить на кант и прогнуть. Тогда, будь она хоть дубовый PolSPORT, всё равно поедет по чистой дуге. Остаётся лишь ускорять её в каждом повороте. Понять-то это можно, а вот ездить так могли редкие таланты, попадавшие в руки гениальных тренеров. Иван каким-то волшебным образом такой технике умудрялся обучать. Фирменным почерком его учеников была езда по льду. Снег был естественный, мягкий. Как правило, ямы вырывали уже к 20-у номеру. Хочешь выигрывать – нужно попасть в первую группу. Хочешь в первую группу – научись ездить по ямам. Весь Советский Союз ловко по этим ямам нырял. Если же вчера дождь, а затем мороз, или рано утром на замерзшем талом снегу – большинство представляло собой жалкое зрелище. Тут-то Ванины ребята и показывали класс.

Уехали Гурьевы, остался Иван на Кавказе в одиночестве. Делать нечего – вернулся в Ленинград. Тренер, старший тренер «Трудовых резервов», тренер ЦС Трудовых, старший тренер сборной города. Казалось бы безоблачная карьера. «Трудовые резервы» прямо-таки штамповали мастеров спорта, чемпионов Советского Союза. И на наших ветеранских стартах блистают его ученицы – Женя и Юлия Агеевы, Люба Степанов, мастера спорта, Чемпионы СССР, нынче многократные чемпионы и призёры мировых чемпионатов в категории Мастерс.

В этот период, конец 70 – 80-е, я Ивана опять потерял – аспирантура, защита. Тренироваться негде и незачем. В Ленинграде образовалось неформальное сообщество «бывших», которые продавались самым разным профсоюзным командам, давали зачётные очки на большом количестве самых сомнительных стартов. Там такие как я и тусовались. Иван же вращался среди элиты, результаты его спортсмены показывали великолепные.

Встреча третья. К концу 80-х узнал, что Иван из спорта ушел, потом, в начале 90-х, прошел слух, что Ваня подался в Финляндию. Там наша встреча состоялась в 95-м, достаточно случайно. В России всё тогда росло как на дрожжах. Съездили пару раз ребята в Финляндию – вот вам Охтапарк, вот Золотая долина и пошло-поехало. Иван самое де-

ятельное участие принял в наших новых устремлениях. Помогал устанавливать контакты, заключать контракты, консультировал, жилье предоставлял. В

Петербурге, тем временем, стараниями Леона Рыжкевича регулярно стали проводиться коммерческие старты для ветеранов горнолыжного спорта, любителей. Создана была Общественная организация «Клуб ветеранов горнолыжного спорта Санкт-Петербурга». В 97-м меня избрали Председателем клуба. Организованы были регулярные тренировки, стали разыгрывать Кубок Санкт-Петербурга.

Иван в те поры тренировал финских детей. Познакомил он нас с финскими ветеранами. Узнали мы о том, что ветеранский спорт организован на международном уровне – категория FIS Masters. После первой поездки в Koli на этап Finnish Masters стало ясно, что надо тренироваться в больших горах. Первый наш такой сбор в Tahkonviri помог организовать все тот же Иван. Он, поначалу, и тренировки у нас проводил.

Но ..., ветераны же сами себе тренеры. Сколько ветеранов, столько и версий горнолыжной техники. Разочаровался в нас Ваня. Потом у меня травма была серьезная. Изредка встречались, но кататься вместе не приходилось. Видел только, с хорошей завистью, как год от года две его дочери подрастают, набираются мастерства. Ездят Катри и Инкери безукоризненно.

Встреча четвертая. Самый главный период наших встреч, перешедший в закадычную дружбу, начался лишь в 2009-м году. Подросла моя дочка, Нора. «Мечта голдного детства» – расхожая присказка для советского, в прошлом, человека. Поэтому вопросов, чем дочь должна заниматься у меня не возникало. В год и десять месяцев – впервые на лыжи. В три – в спортшколу. И обязательно к Люсе Кедринной. Начала Нора кататься у Иры Слугиной, затем пе-

решла к Люсе. Каталась она прилично, часто попадала в призеры. Однако в Петербурге были лидеры, от которых отставала Нора основательно.

Здесь придется сделать отступление, которое затрагивает очень серьёзную проблему детского и юношеского спорта в нашей стране.

Люся Кедрина – великий была мастер, а тренер – от бога. Лыжи знала от А до Я. К детям относилась по-матерински. Атмосфера на сборах под её руководством всегда была здоровая – дисциплина, дружба, взаимопомощь были нормой для Люсиных учеников. Методически работа была поставлена безукоризненно. Селекция неявно шла с момента поступления ребенка в споршколу. Ребята, становясь старше, попадали к Ларисе Майер, затем, если отберут, в команду старшего возраста, к Кедринной. Результаты это давало наглядные, Охта-парк с середины 90-х и до первой половины 2010-х смотрелся в России очень заметно. И международный опыт, и профессиональное образование, и энергия у Люси были на самом высоком уровне.

С наступлением нового тысячелетия пришла в горные лыжи беда с неожиданной стороны. Появились карвинговые лыжи, начались, естественно, поиски оптимальной техники с использованием нового инвентаря. Возможности для резаного скольжения эти лыжи открыли любому новичку. Изобретать начали все, кому не лень. Появилась идеология новой техники: использование внутренней лыжи, иная динамика поворота и т.п. Кубковые спортсмены стали лыжи укорачивать, уменьшать естественный радиус поворотов. Если бы ФИС не вводила ограничение

на геометрию лыж, кататься бы нам сейчас на коньках. Самых выдающихся успехов на тике этих поисков достиг Бенджамин Райх. Его олимпийское золото в Турине – апогей развития «новой техники». Естественно, что тренеры начали усиленно внедрять её основы.

В 2005-м опубликована была книга Григория Гуришмана «Пьянта су», в которой он эту новую технику скрупулёзно и детально описал, собрав и систематизировав наблюдения за многими мастерами и тренерами. Сейчас ругать Гуришмана стало хорошим тоном. А зря. Он объективно описал то, как в то время ездили и чему учили.

Иван как-то метко обозвал все это «карвинговой заразой». Почему – в «Австрийском мифе...» довольно подробно описано. Но зараза стала мгновенно распространяться. Как же – ведь так ездят австрийцы! И понеслось: тренеров – на семинары к Гуришману. Наши, мол, мало что соображают – давайте звать иностранцев. К несчастью, коснулось это и Охта-парка. Люся, хоть и осталась главным тренером, вынуждена была в сезоне 2008/09 уступить методическую работу финскому специалисту. Затем стали посылать самых перспективных ребят в школу Райха. Родители, из самых амби-

циозных, ринулись искать индивидуальных тренеров за рубежом. Деньги потрачены огромные, а результат оказался катастрофическим. Но это позже. А тогда казалось, что мы жар-птицу за хвост поймали.

Каюсь, Гуришмана я и сам до дыр зачитал. Книга-то по объему и качеству оформления уникальна в своем роде. Сколько времени впустую потратил на дикое количество упражнений, зачастую бессмысленных, зачастую вредных, обидно вспоминать. Слава богу, у Люси школа была своя, зараза туда, хоть и проникала под внешним давлением, но все-таки она её умело фильтровала.

Промысел Господень нам не ведом. Каким-то чудом команда Охтапарка запланировала принять участие в соревнованиях в финском городе Куорю, где Иван жил постоянно. Встретились мы с ним после довольно долгого перерыва. Много изменилось. Иван оставил тренерскую работу, занялся бизнесом. Поводом было то, что дочери его спорт оставили. Финские социалистические нравы довели зимний спорт в этой стране до нищенского состояния (сей печальный факт продемонстрирован наихудшими за всю историю результатами Финляндии на Олимпиаде в Сочи). Приходилось Ивану выбор делать: потратить 50 – 100 тысяч Евро за год на каждую или отправить дочерей на бесплатную учебу в университет. Выбрав университет, на сэкономленные деньги еще и машины девочкам купили.

Посмотрел Иван на Петербургскую команду, стал излагать своё видение ошибок, техники. Я сначала его с трудом понимал. Ну, думаю, пропустил Иван новые веяния, всё у него по старинке. Основная Ванина критика касалась поголовного использования внутренней ноги во второй части поворота. Это фирменное блюдо «австрийской» техники того времени в изложении Гуришмана названо было «перетеканием». Ванина трактовка была бескомпромиссной: загрузка внутренней ноги приводит к потере скорости, нестабильной езде, падениям, травмам.

В конце сезона решил я поставить чистый эксперимент – попросил Ивана потренировать нас с Норой пяток дней. Результат был ошеломляющий. Ванины наставления дочь впитывала как губка, на глазах преображалась. В следующем сезоне 2010/11, когда Нора уже выиграла Олимпийские надежды России, я насчитал в сумме всего лишь 11 тренировок с Иваном. В начале февраля 2011-го провели с ним еще пять дней в Kasurila. После этого Нора не могла проиграть ни одного старта до самого конца сезона. А ведь соревновалась она с подругами, которых ежемесячно более полугода отправляли в школу Райха. В предыдущем сезоне Нора на Российских соревнованиях в лучшем случае была в конце 2-го десятка, проигрывала этим девочкам секунды.

Призадуматься бы мне тогда, всё могло бы пойти по-другому. Но мы пошли по накатанной дорожке. Тренировки с Люсей к противоречиям в методике не приводили. База была Кедринской, Иван её кистью мастера подправлял, Нора успешно тренировалась. В следующем году, хоть и была младшей в своей новой возрастной группе, на Первенстве России стала тре-

тёй, была в призерах и на других всероссийских соревнованиях, выполнила норматив КМС. К Ивану пару раз ездили на контрольные тренировки. Этого, казалось, было достаточно.

А затем я совершил трагическую ошибку. Нору пригласили в команду, тренировать которую стали словацкие специалисты. Характеристики их были самые высокие. К тому времени я все ещё считал, что где-то существуют «настоящие» специалисты, которые делают Хиршеров и Шильд, Пинтуро и Риш. Результат не замедлил сказаться. Ни одного путного результата за сезон и категорический отказ продолжать занятия спортом. Это позже я понял, что Нора, овладев скольжением «как учит дядя Ваня», на «австрийскую» методику перейти уже не могла. Другие девочки приспособились. Ездить так можно. Очень многие, а на тот момент большинство, так и ездили. Выигрывать так невозможно. Уже уйдя из команды, дочь мне пожаловалась: «Мне так нравилось кататься, было так легко, да я ещё и выигрывала. А здесь мне сказали, что нужно всё забыть, начать с нуля. Тренировки стали мучительными. Тренерам перестала доверять. Не нужен мне такой спорт».

Когда дочь объявила, что спорт бросит, семью окутал мрак. Что только я не предпринимал. Написал словацкому тренеру обстоятельное письмо. Ребята они профессиональные, добросовестные. Очень много внимания уделяли правильной физической подготовке, привили настоящую физическую культуру. Одна беда – как забрались в карвинговый тупик, так там и прозябают. Но это теперь, задним умом видно. А тогда мне это было не по силам понять. Казалось – вот он, широкий путь в светлое будущее. Те, кто на это дело потратил деньги и силы, искренне верили, что получают уникальный результат. Девчонок отобрали первоклассных. Любая, попади в правильные руки, могла бы войти в мировую элиту. Дай бог им удачи.

Договорились мы в конце концов так: из команды уходим, но последний детский год тренируемся с дядей Ваней. Что ж, и здесь результат не замедлил сказаться. 19 тренировок на снегу против примерно 70 у главных соперниц. Из них, только 8 в больших горах, столько же на крытой трассе. А результат – 1-е место в гиганте на всероссийских соревнованиях «Открытие сезона». Притом победа в обеих попытка с хорошим отрывом при 63-м стартовом номере.

Есть о чем призадуматься, не так ли? Но селекция в нашем спорте идёт по финансовым и административным принципам. Нора была зачислена в отщепенцы, а Люсю Кедрину – защитницу своих птенцов – уже одолевала страшная болезнь. Пытался я объясниться, убедить, что Нора чудом вырвалась из тупика, а остальных девочек могут загубить, кто тут слушать станет.

Как бы то ни было, я на полгода оказался менеджером семейной команды, а Иван её старшим тренером. Вместе спланировали тренировочный процесс, вместе ездили на сборы, вместе тренировались. Нора опять ожила, стала рваться на склон. Планы мы на сезон построили замечательные: выиграть INTERCRITERIUM, Первенство России, попасть в призы на WHISTLER

CUP. Но надеждам не суждено было сбыться – серьезно заболела моя девочка, всё пошло насмарку.

Спортсмен, серьёзного уровня, оставив спорт, как правило к нему не возвращается. Кому-то надоело, кто-то соль на раны не хочет сыпать. Привыкают-то не просто кататься, а тренироваться. Множество выпускников спортивных школ на долгие годы исчезают со склонов. Дай бог, если через много лет появляются на наших ветеранских стартах. А с Ваней не так. Два года мы с дочерью ездили к нему при каждом удобном случае. Норка за 5 – 8 дней восстанавливала форму. Я, гоняясь за ней, восстановился на подиумах Master Cup Санкт-Петербурга и Финляндии. Для Вани все двери в Финляндии открыты – в любой день приезжай, тренируйся. Где еще такое бывает?

У Ивана принцип – спортсмен на каждой тренировке хоть в чем-то должен прогрессировать. Строил он тренировки очень изобретательно, всегда следил за тем, чтобы ученик был в хорошем настроении. Какая ни будь плохая погода, состояние спортсмена, получается – не получается, Ваня для каждого что-то придумает. Прошла тренировка – обязательно чувствуешь, что какую-то проблему решили, еще на шагок продвинулись.

Модными нынче упражнениями Иван никогда не мучил. Принцип был простой. Едут лыжи. Лыжа связана с ботинком, ботинок со стопой и голенью, коленом. Лыже надо создать условия для правильного скольжения. Эффективнее всего концентрироваться на работе коленей, это самый быстрый способ передать усилия на ботинок, от него на лыжу. Бедра, корпус, руки, голова, располагаются сообразно скорости, радиусу поворота, крутизне склона, создают правильный баланс. Ни в коем случае нельзя концентрироваться на работе отдельных частей тела – обязательно нарушится правильная работа ног. Нужно искать оптимальный баланс, уметь концентрировать и мгновенно освободить энергию. В каждом повороте лыжа должна быть вовремя поставлена на кант и прогнута. Прогиб начинается с загруженного голенью носка, заканчивается прогибом пятки. Для этого голень сначала резко давит на язык ботинка, как только носок зацепился за покрытие и движение по нужной траектории началось, давление плавно переходит на пятку. Перераспределение давления – за счет разгибания опорной внешней ноги. Ботинок имеет наклон к носку, поэтому, нога, распрямляясь, естественно давит на задник ботинка, а тот загружает пятку лыжи (распрямление ноги – важный элемент поворота, связанный не только с загрузкой пятки, но здесь тонкие вопросы биомеханики разбирать не будем). Лыжа, при этом, режет чистую

дугу, ускоряется от начала к концу поворота. И самое главное – ехать надо на внешней лыже, кант менять как можно быстрее.

Вроде бы понятно, но тренеру нужно еще обладать арсеналом отработки приемов, которые осваивает ученик, понимать причины его неудач, правильно корректировать действия спортсмена. Тут Иван себя проявлял артистически. Кроме того, всегда сам мог показать, чего он от тебя добивается. Ездил он так, чтобы снежная пыль вилась только за лыжей. Снег сбоку из-под канта ученической лыжи его страшно огорчал. Визитная карточка Ивана – езда по льду. Делаешь как Ваня учит, лед только помогает.

Другими глазами, благодаря Ване, стали мы с Норой смотреть на кубковые старты. Предвидением он обладал феноменальным. Когда Хиршер выигрывал первые слаломные старты, Иван заявил, что для этого спортсмена более подходит гигант, он еще себя в нем покажет. Пинтуро еще только к подиуму приближался, а Ваня уже его взял на примету, утверждал, что у него наилучшая техника скольжения. Лигети Ивана огорчал своим правым поворотом, частенько заваливался на внутреннюю лыжу. Кристофферсена Иван признал с первого Кубкового старта.

Езду Хорошилова, его историю Иван ближе всего к сердцу принимал. Когда Александра отчислили из сборной, Иван как-то участвовал в его тренировках в Леви. Утверждал, что Александр - природный слаломист. Когда того заставили гонять скоростные дисциплины, готовя к комбинации в Ванкувере, ругался матом. Стал Хорошилов брать медали этапов – переживал сколько лет у парня впустую отобрали. Из женщин выше всех ценил Яницу Костелич. Из слаломисток ставил в пример Марлес Шильд, Зузулову. Быстро заметил Влхову. Утверждал, что Мазе и Шифрин не раскрывают до конца своих возможностей. Изрядно ругал Палландера за то, что тот к концу карьеры стал ездить на внутренней лыже. Из спортсменов классической эпохи, выше всех ценил Стенмарка, Жирова. Терпеть не мог Цурбриггена: это при нём ввели в обиход пластиковые латы, стали ломиться по трассе вместо того, чтобы правильно скользить. Утверждал, что супергигант ввели именно ради того, чтобы этот спортсмен смог отобрать кубок у Стенмарка. В общем, с Иваном без конца можно было этот спорт обсуждать, и всегда обнаруживалось нечто новое, полезное.

О жизни много говорили. Рассказал Иван почему оставил спорт в Советском Союзе. Стал, говорит, замечать, что ни его самого, ни его спортсменов за рубеж не выпускают. Когда понял, что дело в фамилии Уймонен, встал и ушел. Стал сварщиком высокой квалификации. В первые дни в Финляндии это ох, как пригодилось. Увидели менеджеры местного клуба, как Ванины дочери катаются, пригласили его тренировать детей. Результаты ребята у него показывали очень хорошие. Особенно, конечно, Катри с Инкери. Много рассказывал, сколько ему крови выпили, когда внедряться стала «новая» техника. До первых стартов всё им не так. Затем, разинув рот, посмотрят на результаты – отстают. Но только до следующего сезона.

Потянулись следом за нами с Норой на тренировки к Ивану и ветераны, и дети. У кого из родителей глаз наметанный, сообразили, что оттуда люди возвращаются в новом качестве. Для детей он был, в зависимости от возраста, то дядей, то дедушкой. Поразительно, с какой любовью он к своим ученикам относился. Дети всегда платили ему взаимностью. Аня Тамонова – последняя его ученица. Слишком мало довелось Ване с ней позаниматься. Но расцветала Аня на его тренировках на глазах. Узнала о его смерти, поплакала, а затем заявила, что теперь она просто обязана медали к нему на могилку приносить. Дай тебе бог, Анечка, успехов и удачи.

Ушёл Ваня, Вечная память. Спасибо тебе, Иван. Теперь мы знаем, как надо. Могли бы никогда и не узнать, не будь встреч с тобой. Когда ехали в Финляндию на похороны, ожили Ванины рассказы. Спортсмены разных возрастов и из разных мест, мастера спорта, рассказывали какую роль сыграл Иван в их жизни. Множество людей тебя помнить будут всегда. Мастерство твоё, доброту, дружбу.

Господь всегда был с тобою.

Геннадий Венедиктов, Председатель Совета ветеранов
горнолыжного спорта Санкт-Петербурга.
Июнь 2017 года.

Успел Ваня жизнь дочек – Катри, Инкери – устроить. К большому сожалению не доведётся ему внуков обучить горнолыжной науке.

Очень, очень жаль.